

ЕВГЕНИЙ ЦЫПАНОВ (Сыктывкар)

ОДНА ИННОВАЦИЯ В КОМИ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

1. Необходимость фиксации всех средств выражения в современном коми литературном языке становится все более насущной задачей коми языковедения. Существующие исследования обобщают в основном процессы зарождения и развития литературного языка, его фонетических, орфоэпических, орфографических, грамматических и лексических норм (Бараксанов 1986), однако факты его современного развития во всех конкретных проявлениях еще далеко не полностью известны науке в области как фактографии, так и интерпретации материала. Можно с уверенностью сказать, что современный коми литературный язык использует более разнообразные средства, нежели те, что отмечены в трудах по литературному языку и элементарных грамматиках, поэтому кодификация норм необходима для дальнейших исследований национального литературного языка.

Работы последнего времени показывают, что обращение к конкретным фактам морфологии может существенно дополнить новыми фактами представление о системе языка. Например, Г. Некрасова убедительно обосновывает существование серии приблизительноместных падежей в коми-зырянском языке, состоящей из шести форм: *-ланьын*, *-ланьысь*, *ланьсянь*, *-ланьöд* ~ *-ланьті*, *-ланьöдз*, *-ланьö* (1985 : 148). Ни в одном исследовании (кроме грамматики Д. В. Бубриха) не выделяются самостоятельные отрицательные имена действия в коми языке, например, *Кужтöмыд сійö сöмын ас вылад вотöдз* (КШК 81) 'Неумение это только до тех пор, пока есть на кого надеяться'. Однако они частотны, свойственны устной речи, фольклору, художественной прозе и имеют все основания для введения их в грамматические описания (Цыпанов 1986 : 132—133). Выявлены еще не все факты подобного рода.

Другим важным источником обогащения грамматических норм служат инновации. Так, Р. Бейкер фиксирует исключительное богатство материала в сфере коми именного склонения (Baker 1985 : 175—201). Есть инновации и в других областях морфологической системы, в частности в глагольной. К совершенно неисследованным явлениям грамматики коми языка относятся отглагольные образования с суффиксом *-ана* в функции обстоятельства, например, *Талун шондйыс гожöмын моз оньöдана сывтыръяліс мусö* (Юшков II 17) 'Сегодня солнце как летом, обдавая жаром, объяло землю'. Попытаемся кратко определить фактографию явления, объяснить возникновение образований и решить вопрос о его статусе в грамматической системе коми языка.

2. Отмеченные формы лишь кратко упомянул Д. В. Бубрих, когда привел примеры с суффиксами *-ана*, *-анаа*, *-анаон*, *-ананырысь*: *Но, — грöзитыштанаа юалис Фигура* 'Ну, — угрожающе спросил Фи-

гура'; *тэрмасынапырысь* 'торопливо' (1949 : 136—137). Эти формы несомненно взаимосвязанны, но в текстах более употребительны образования с *-ана* и менее с *-анагн*: *буретш сійӧ видзӧдліс Дуня вылӧ, дивитанаӧн довкиӧдліс юрнас* (Юхнин II 113) 'тогда он взглянул на Дуню, удивленно покачал головой'. Д. В. Бубрих в одном разделе с отмеченными формами дает и сочетания причастия на *-ан* в активном значении с глаголом *кольны* 'остаться', например, *Баба бӧрдан коли берег дорӧ* 'Баба плача осталась у берега' (1949 : 137). Однако между приведенными случаями есть большая разница, они структурно не равнозначны: по форме в первом всегда выступает суффикс *-ана*, во втором *-ан*. Как верно отмечает Д. Фокош-Фукс, ни коми *-ан*, ни удм. *-он* не могут считаться суффиксами деепричастий, в примерах типа *Баба бӧрдан коли* выступает причастие в активном значении как часть составного сказуемого (Fokos-Fuchs 1959 : 339).

Исследуемые формы не отмечены в устной речи, диалектных материалах и фольклоре, диалогической речи, вследствие чего, вероятно, они не зафиксированы даже в специальном исследовании по коми деепричастиям (Fokos-Fuchs 1958). Работа Д. Фокоша-Фука в основном базируется на диалектных данных. Как показывает анализ материала, формы с *-ана* в функции обстоятельства являются атрибутом лишь письменных форм литературного языка, они употребляются главным образом начиная с конца 30-х годов в художественной прозе: *Илья пукалис эжа вылӧ вольсыштӧм пинжак вылас да ышӧдана шуалис* (Юхнин I 93) 'Илья сидел на постеленном на траве пиджаке и, подстрекая людей, произносил'. Книжный характер конструкций доказывается и введением их лишь в описания, в форму авторского повествования от 3-го лица — в основном при описании реакции говорящего на слова другого персонажа. Они встречаются чаще всего в повестях и романах В. Юхнина и особенно современного автора Г. Юшкова, используются и в публицистике. Таким образом, исследуемые формы представляют собой инновацию в письменных образцах коми литературного языка, хронологически их возникновение можно отнести к 30-м годам XX века. В последние десятилетия подобные образования употребляются все шире.

3. Вопрос о происхождении рассматриваемых образований подробно еще не исследовался. Д. В. Бубрих лишь верно отметил их отпричастный характер и отнес их к отглагольным наречиям (деепричастиям) (1949 : 136).

Этимологически формальный признак образований *-ана* идентичен с суффиксом причастий *-ана*. История форманта описана в ряде работ (Lehtisalo 1936 : 123—129; Серебренников 1963 : 296, 298 и др.). Как самостоятельная морфема исследуемых образований суффикс возник при расширении функций причастия, что еще раз свидетельствует об одной существенной особенности морфологической системы коми языка: вместе с развитой системой деривационных, формообразующих и словоизменятельных формантов в нем представлена и масса оморфом, омонимичных суффиксов, например: *-ана* — суффикс причастий настоящего времени: *вежласяна тӧв* 'переменчивый ветер', *тыдалана вуджӧр* 'видимая тень'; *-ана* — суффикс адъективов: *колана* 'необходимый'; *-ана* — суффикс деепричастий: *эскана* 'веря', *ышӧдана* 'призывая'; *-ана* — суффикс наречий: *туяна* 'пригодно', *дивитана* 'удивленно'.

Здесь выделены основные качественные ступени без учета промежуточных случаев. Адъективы и наречия с идентичными суффиксами возникли путем транспозиции первичных причастий и деепричастий.

В основе возникновения новых образований, вероятно, лежал процесс переосмысления активного действия причастий в действии деепри-

частного характера. Семантическая структура коми причастий настоящего времени на *-an*, *-ana* нами уже описывалась (Цыпанов 1985). Она включает активное значение — *соссян (а) морт* 'отрицающий что-то человек' и пассивное значение — *видана оланног* 'порицаемый образ жизни'. В основе переосмысления первоначально могло лежать лишь активное значение, представляющее действие, исходящее от актанта (субъекта) — определяемого слова. Можно реконструировать путь переосмысления на основе предложения: *Ньöти абу долыд, — соссяна вочавидзис Павел* (Юшков II 52) 'Нисколько не радостно, — отпираясь ответил Павел':

- а) *вочавидзис (V₁) соссяна (V₂) Павел (S)* 'ответил отпирающий Павел' (субъект действия причастия и основного действия предложения совпадает);
 б) *соссяна (V₂) вочавидзис (V₁) Павел (S)* 'отпираясь, ответил Павел' (субъект действия деепричастия и основного действия совпадает).

Логико-семантически произошла переориентация отнесенности действия образований на *-ana*: от подчинения и выражения действительного признака актанта (предмета-определяемого), выступающего в именных синтаксических функциях, к подчинению финитной форме глагола, выражению его дополнительного действия. Подобное переосмысление от пассивных значений причастий немислимо.

Как в родственных, так и в неродственных языках расширение функций причастий (в роли обстоятельства) представлено широко. Например, активные и пассивные причастия в эстонском языке часто употребляются в функции обстоятельства: *Kooli lõpetanud, sõitis Peeter uudismaale* 'Окончив школу, Пётр уехал на целину'; *Käed väljasirutatud, ruttas onu külalisele vastu* 'Протянув руки, дядя поспешил навстречу гостю' (Усупьльд 1967 : 16—17). Широко употребительны в английском языке активные причастия в качестве деепричастия: *I saw him laughing* 'Я увидел его смеющимся', *He said that laughing* 'Он сказал это смеясь' (Смирницкий 1959 : 18). В диахронии подобное переосмысление привело к развитию отпричастных деепричастий во многих языках — марийском (Галкин 1964 : 167), саамском (Керт 1971 : 201), русском (Иванов 1983 : 363). В коми языке также можно говорить об инновации подобного плана — развитии особой формы деепричастий на *-ana* от активных значений причастий настоящего времени.

4. Решение вопроса о статусе рассматриваемых образований актуально для современного коми языкознания. Утверждение Д. В. Бубриха об их статусе отглагольных наречий (деепричастий) (1949 : 136) трудно принять без дополнительного анализа, так как статусы деепричастий и наречий (в том числе и отглагольных) предполагают различную качественную специфику языковых структур. Материал обстоятельственных образований на *-ana* позволяет говорить как об их глагольном, так и об адverbиальном характере. Признавая общее разделение в языке предикатных и непредикатных знаков (Богданов 1977 : 28—29), и деепричастия, и наречия следует считать предикатными, выражающими отношения между аргументами (аргументными именами) в семантико-синтаксической структуре предложения. К тому же синтаксически они выполняют единые функции. Образования с *-ana* можно строго интерпретировать лишь с точки зрения выражения грамматической семантики. При таком подходе имеются в виду общие положения о разграничении деепричастий и наречий, предложенные И. И. Мещаниновым (1978 : 315—320).

В примерах *Аддза, аддза, — мынтöдчана вочавидзис Павел*

(Юшков II 57) 'Вижу, вижу, — отмахиваясь, ответил Павел'; *Сійö кыдзкö аслысног тöдчöдана шуис* (Юшнин I 182) 'Он, как-то по-своему выделяя, сказал' образования вполне можно квалифицировать как деепричастия (нематричные предикаты), выражающие сопутствующее главному и характеризующее его действие. Это доказывается возможностью их трансформаций в близкие деепричастные формы: *аслысног тöдчöдана шуис* → *тöдчöдöмön шуис* → *тöдчöдигön шуис*. Формы на *-ана*, *-еген*, *-иген* выражают действие, одновременное с главным, и являются относительными грамматическими синонимами.

Сравнение с остальными многочисленными деепричастными формами коми языка показывает, что формы с *-ана* имеют определенные особенности:

а) употребляются лишь в письменных формах языка, имеют выраженный книжный характер;
 б) фонотактически суффикс имеет структуру VCV, что отличается от структур остальных суффиксов деепричастий — CVC *-тег*, *-тез*, *-мен*; VCVC *-еген*, *-иген*; VC *-иг*;

в) сравнительно немного деепричастных конструкций отмечено в текстах, абсолютные конструкции с маркированной формой зависимого распространителя, выражающего субъект действия, невозможны, так как у деепричастий на *-ана* субъект действия всегда совпадает с субъектом основного действия предложения, отмечено два вида конструкций: *Н_{асс.} + Ger. -ана* — *Вылöн усбöм лым вылын веж петкöдлана былгясны понъяс* (Юшков II 383) 'На свежевывавшем снегу, вызывая зависть, кувыркались собаки';

Adv. + Ger. -ана — *кыдзкö аслысног тöдчöдана шуис* (Юшков II 182) 'как-то по-своему выделяя, сказал'; естественно, сбор дополнительного материала может существенно обогатить представление о конструкциях с этими деепричастиями;

г) деепричастия на *-ана* в контраст остальным деепричастным формам имеют строго определенный порядок расположения в предложении, а именно — почти всегда они находятся в препозиции к финитному глаголу-сказуемому. Примеры: *дэльöдана вочавидзис Ревекка* 'передразнивая, ответила Ревекка', *дойдана серöктис Ревекка* (Юшков II 213) 'причиняя боль, рассмеялась в ответ Ревекка' и др. Лишь изредка формы с *-ана* могут стоять после глагола — *Самарин сöмын акöстис мынтöдчана* (Юшков II 406) 'Самарин только и ахнул, отталкиваясь'. Но такое возможно лишь на конце предложения или предикативной части сложного предложения. В данном факте проявляется тенденция избегать двусмысленности в контексте. Во-первых, препозиция к глаголу (финитной форме) выражает подчинение и зависимость деепричастия от глагола-сказуемого. Во-вторых, деепричастия не могут выступать в препозиции к субъекту (имени), ибо в этом случае они вновь могут восприниматься как причастия. Например, в предложении *Локтис пöчöыс и лөвтана висьталис* (Юшков II 353) 'Пришла старуха и, стеная, рассказала' нельзя произвольно изменить структуру на *Локтис лөвтана пöчöыс и висьталис* без нарушения смысла. В последнем случае конструкция воспринимается как причастная — 'стонущая старуха'. В данном случае строго фиксированная позиция в предложении является одним из дифференцирующих признаков деепричастий на *-ана*, что еще раз свидетельствует об их недавнем происхождении.

В целом процесс переосмысления значения активного действия причастий в деепричастное обоснован фактами идентичного развития во многих родственных и неродственных языках. В коми языке, вероятно, формы на *-ана* начали употребляться в новом качестве благодаря их

семантической емкости и сжатости. К тому же фонотактика суффикса VCV хорошо вписывается в слоговую последовательность и делает стык слов всегда с последовательностью V + C: *дэльодана юалис, сетчана вочавидзис, эльтана юалис* и т. д.

5. При семантическом анализе образований на *-ана* в функции обстоятельства определенная группа примеров не может трактоваться как деепричастия, так как в них уже не манифестируется конкретное действие, например, *кодкӧ шмонитана нисӧ жаляддза гарышитӧ Павел мышкын* (Юшков II 403) 'кто-то то ли шутливо, то ли жалостно проговорил за спиной Павла'. Произошло выхолащивание значения действия и развитие чисто признакового значения — процесс адвербиализации деепричастий. Наречия выражают признак действия, всегда подчинены глаголу, т. е. предикативны. В основном они образованы от глаголов состояния, ощущения, выражения чувств и отношений: *Сэсса кодӧ донъялана синмалис, кодӧ улӧс мыччылӧс* (Юшков II 242) 'Затем кто оценивающе бросал взгляды, кто подавал стул'; *Сулалышитӧ ӧшӧдӧм юрӧн да яндысына видзӧдӧлӧс Павел вылӧ* (Юшков II 142) 'Постоял с опущенной головой и стыдливо посмотрел на Павла'; *Ньӧти вологатӧмӧсь, — вежмавидзана шуис сэсса* (Юшков II 102) 'Со всем без еды, — скромно сказал потом'; *Марпа шензяна видзӧдӧ* (Юшков I 70) 'Марпа удивленно смотрит' и т. д. Примеры свидетельствуют о расширении адвербиализации в современном коми языке за счет вовлечения в процесс образований от более новых форм, от деепричастий на *-ана*.

6. Представленный в статье материал свидетельствует, что образования на *-ана* в функции обстоятельства продуктивны в современном литературном языке. Большинство примеров на синхронном уровне грамматики имеют статус деепричастий, часть можно квалифицировать как предикативные наречия. Фактический материал свидетельствует об обогащении морфологической системы языка и нуждается в адекватном отражении в последующих грамматических описаниях и исследованиях по развитию коми литературного языка.

Сокращения

КШК — Коми шусьӧгъяс да кывӧбӧзъяс, Сыктывкар 1983; Юхнин I — В. Юхнин, Алӧй лента, Сыктывкар 1981; Юхнин II — В. Юхнин, Диньельса вӧрпункт, Сыктывкар 1983; Юшков I — Г. Юшков, Куим тещ, Сыктывкар 1970; Юшков II — Г. Юшков, Чугра, Сыктывкар 1981.

ЛИТЕРАТУРА

- Бараксанов Г. Г. 1986, История коми литературного языка и проблемы языковой нормы, Сыктывкар (Серия препринтов «Научные доклады», № 158).
 Богданов В. В. 1977, Семантико-синтаксическая организация предложения, Ленинград.
 Бубрих Д. В. 1949, Грамматика литературного коми языка, Ленинград.
 Галкин И. С. 1964, Историческая грамматика марийского языка, ч. I. Морфология, Йошкар-Ола.
 Иванов В. В. 1973, Историческая грамматика русского языка, Москва.
 Керт Г. М. 1971, Саамский язык (кильдинский диалект). Фонетика, морфология, синтаксис, Ленинград.
 Мещанинов И. И. 1978, Члены предложения и части речи, Ленинград.
 Некрасова Г. 1985, О падежах на *-лань(-)* в коми языке. — FU 12, 147—154.
 Серебренников Б. А. 1963, Историческая морфология пермских языков, Москва.
 Смирницкий А. И. 1959, Морфология английского языка, Москва.
 Усупыльд Э. 1967, Структура и значение обстоятельственных конструкций с центральным словом — глагольной формой на *-des, -mata, -nud (~nuna), -tud (~tuna)*. Автореф. канд. дисс., Тарту.

- Цыпанов Е. 1985, Семантическая структура причастий с суффиксами *-an*, *-ana* в коми языке. — СФУ XXI, 263—271.
- 1986, К проблеме субстантивов на *-tem* в коми языке. — FU 13, 128—133.
- Baker, R. 1985, The Development of the Komi Case System. A Dialectological Investigation, Helsinki (MSFOu 189).
- Fokos-Fuchs, D. R. 1958, Die Verbaladverbien der permischen Sprachen. — ALHung. VIII, 272—342.
- Lehtisalo, T. 1936, Über die primären uralischen Ableitungssuffixe, Helsinki (MSFOu LXXII).

IEVGENIJ CYPANOV (Syktyvkar)

AN INNOVATION IN THE KOMI LITERARY LANGUAGE

The paper is devoted to a phenomenon in modern Komi which has not been studied as yet. In literary prose the verbal forms with the suffix *-ana* are used in the function of the adverbial modifier, e.g. *дэльбдана вочавидзис Ревекка* 'mocking, Revekka replied'. The author takes the view that such formations may have come into being on the basis of the *-ana* participle used in the active meaning and that in most cases they can be treated as gerunds. This view lends support to the following conclusions: 1) Such constructions occur in written texts only. 2) They do not enter a multitude of constructions like other Komi gerunds. 3) These formations have a fixed order (or place) in the sentence, viz. they occur in the prepositive position before the main verb.